

Шепот русалки

ОЛЬГА
РАУДИНА

Ольга Раудина
Шепот русалки
Серия «Румперия. Дыхание магии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74390721
ISBN 978-5-04-253209-2

Аннотация

Если и существуют злосчастные места, где нет места живым, то поместье Крошморт, несомненно, одно из них. Именно туда вынуждены вернуться близнецы Силанс и Ориэль Крошморт после долгих лет изгнания. Однако семейное гнездо встречает их отнюдь не тепло: бабушка и дедушка явно дают понять, что брат с сестрой – нежеланные гости. Но когда в их городе начинается череда убийств, только близнецы смогут раскрыть настоящего преступника!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ольга Раудина

Шепот русалки

Иллюстрация на обложке *Levanta*

© Раудина О., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

В романе упоминаются славянские руны, которые на самом деле никогда не существовали. В тексте вы встретите много мифов, а также реальных праздников, обычаев и символов, переиначенных в угоду авторскому замыслу.

Помните, что это всё – сказка.

Глава 1

Бабушка приподняла подол бордовой юбки, чуть наклонившись вперед. Из пучка, в который она множеством шпилек с красными бусинами убирала длинные седые волосы, выпало несколько прядей у шеи. Они спрятались под кружевным воротом кремовой блузки, слишком плотной и закрытой для жаркого летнего утра.

Бабушка шагнула в воду.

Злата хотела закричать, но голос пропал. Из открытого рта не вырвалось ни единого звука. Звуков вообще не было. Не пели птицы, не шелестели листья, не свистел теплый ветер, который Злата чувствовала кожей. Звучала только река. Звучала слабым течением, далеким перестуком камушков на дне и русалочьим смехом.

Бордовая юбка медленно намокала. Темные пятна расплзались по ткани, двигаясь выше, к коленям. Подол терялся в черноте реки, сливался со стихией – чужой, сильной, но гостеприимной.

Бабушка шла дальше.

Злата хотела бежать. Хотела спасти, выдернуть на сушу, отвести домой – подальше от опасного берега. Но не могла. Тело сковал знакомый, уже привычный страх. Он холодной водой втекал внутрь, наполнял изнутри, делал ноги свинцовыми.

Бабушка остановилась. Изящно подняла руку, раскрыла ладонь с короткими, но тонкими пальцами. В центре затрещало длинными язычками золотистое пламя. Оно плавилось под солнечными лучами и напитывалось их силой.

Рука дрогнула. Плавно заскользила вниз.

Через секунду вода и пламя соприкоснутся.

Вода взметнется вверх прозрачным шипящим паром.

Огонь опалит прячущееся в блестящей черноте реки белое девичье тело.

Бабушка улыбнется, наблюдая, как скользят зеленые волосы в мутной воде.

Через секунду.

Злата рывком поднялась, свесила ноги с кровати и зажмурилась. В темноте прикрытых век таял образ бабушки в бордовой юбке с трескучим огнем в руке и красными бусинами в седых волосах. Головки алыми каплями пульсировали перед глазами, отказываясь исчезать.

Злата вскочила, машинально одергивая вниз короткую сорочку, и бросилась к зеркалу. Столик рядом с ним занимала деревянная резная шкатулка. По ее бокам вились руны Агни, сплетаясь в причудливые, чуть угловатые из-за неопытности мастера узоры. На крышке расправило лучи солнце. Оно улыбалось – кривовато для весеннего божества – и смотрело на хозяйку миндалевидными раскосыми глазами. Шкатулку подарил Саша четыре года назад. Злата в тот же вечер поставила ее на столик и почти никогда не открывала.

В шкатулке лежала пара бабушкиных шпилек. Она, уезжая, забыла их на крыльце. Забрала одежду, фотографии, даже вышитые полотенца, которые шила в приданое. Шила и приговаривала: «Если у меня, конечно, когда-нибудь будет внучка». Внучка родилась, а бабушка уехала, чтобы больше не появиться в жизни сына и его семьи. Так Злате рассказывал папа.

Бабушку Злата не знала. Не знала, как звучал ее голос. Не знала, как ощущается ее сила, – а все вокруг говорили, что бабушка была талантливой колдуньей. Не знала даже, как она выглядит, но была уверена, что женщина, которая каждый год снится ей летом, – она. Всегда разная, расплывчатая, то высокая и изящная, то приземистая и широкоплечая, как Златин отец, но всегда прямая, как палка, с длинной седой косой и красными бусинами на шпильках.

Дверь бесшумно приоткрылась.

– Ты уже проснулась? Я ухожу, завтракай без меня.

Злата кивнула, продолжая смотреть на кривое солнце. Отца она слышала через слово.

– Боюсь, приду поздно. К ужину тоже не жди. Все хорошо? Глаза у тебя какие-то бешеные.

– Мне бабушка снилась.

Злата закрыла глаза. Она все еще видела алые пятнышки, а внутри kloкотало беспокойное желание бежать. Куда – непонятно.

– Что на этот раз? – отец усадил ее на кровать. – Водила

по лесу, собирала вещи, учила уму-разуму?

– Русалок жарила.

Отец заботливо провел рукой по голове дочери, по мягким волосам, обнял. Кожа оказалась холодной.

* * *

Мягкий полумрак под плотной крышей листьев, непрерывное шуршание насекомых и переклички диких зверей и птиц; близость леса – вот что любила Злата в Зеленом круге. Старое название, которое не нравилось никому, передалось по наследству вместе с поваленными стволами деревьев вместо лавочек и гитарой, у которой ежегодно рвалось по струне, хотя на ней почти не играли.

Зеленый круг – поляна, затерянная в предлесье, – был единственным местом, где Злата чувствовала себя абсолютно свободной.

Сойти с протоптанной дорожки. Мимо куста с розовыми ветками направо. Четыре шага в сторону зарослей шиповника. И если знаешь, в каком месте войти, Круг откроется перед тобой.

Злата знала.

Она перешагнула невидимую границу и тут же услышала голос Олега. Он пел о снах и лете. Пел очень громко, намного громче гитары. Голос у Олега был низкий и звучный. Очень взрослый голос, к которому Злата долго не могла привык-

нута в восьмом классе и который никак не мог существовать в таком худом, почти еще мальчишечьем теле. Олег был высокий, узкоплечий и казался младше своих семнадцати.

Второй голос пел тихо, а иногда вовсе терялся за густым басом Олега. Голос звучал мягче, бархатнее и вкрадчивее. Он околдовывал, пробирался внутрь, заставлял трепетать и слушать. Он рассказывал сказки и пел баллады. Чаще, конечно, старый русский рок, но сказки и баллады, по мнению Златы, получались лучше.

Саша выглядел под стать своему голосу: с точеными чертами, прямым носом, кареглазый, со светлыми, чуть выющимися волосами. Он привлекал внимание всегда. А когда пел, оторвать от него взгляд было невозможно.

Злата стояла в кустах шиповника и слушала. Отголоски утреннего волнения засыпали, повинувшись спокойной, убаюкивающей мелодии.

Только на мгновение Злата оторвала взгляд и посмотрела в сторону – туда, где стоял Ярослав. Она кивнула ему. Он тоже кивнул. Злата подумала, что так можно было бы общаться и дальше – без слов, неловких пауз и стеснения. За полтора года, что Ярослав жил здесь, в Серебряных огнях, Злата к нему так и не привыкла.

Мелодию оборвали глухой звук и разочарованное шипение.

– Вторая за неделю, – констатировал Саша, откладывая свою гитару. – Ты как-нибудь аккуратнее, что ли.

Олег бросил на него прожигающий взгляд. Потом положил старенький инструмент в расщелину между выпирающими корнями ели, растущей рядом, и вернулся на поваленный ствол, на котором теперь сидела Злата.

— Привет, какие новости?

Карие глаза горели любопытством. За попыткой узнать обо всех новостях Саша прятал конкретный вопрос. Злата на него ответить не могла, но разочаровывать друга ей не хотелось.

— Вы знали, что в поселке новая колдунья? Наша ровесница, дочка Белозеровой? — спросила она.

— Та самая, которая чуть ли не с рождения в Дубовнике живет? — уточнил Олег.

Вопрос прозвучал обыденно. Олег будто совсем не удивился. Подкинул пару сухих веток в кострище, раскинувшееся между упавшими стволами. Огонь разжигали редко, темными летними ночами или холодными осенними вечерами, но чаще ради обрядов.

— Да. Она вчера приехала. Наверное, чтобы получить второй круг. Папа сказал, что она останется здесь до Купалы.

— До Купалы, значит? — уточнил Саша и, щурясь, посмотрел на Ярослава. — Кажется, у тебя появился конкурент.

— Да пожалуйста. Я не горю желанием проводить обряд третий раз.

Ярослав пожал плечами, оттолкнулся спиной от ствола дерева, у которого стоял, и сел на корточки перед кострищем.

Провел над ним рукой – плавные движения водных колдунов всегда казались ленивыми и раздражали огненных. Поэтому Злата скрестила руки на груди, а Саша закатил глаза – по их венам текло беспокойное пламя.

– Кто бы тебе еще предложил проводить его в третий раз, – буркнул он.

Ярослав улыбнулся. К подушечкам пальцев от ветки, которую минуту назад кинул в кострище Олег, потянулась тонкая золотистая струйка смолы.

– Второй же раз предложили.

Струйка собралась в шар, и Ярослав поднялся.

– Просто больше не было колдунов нужного возраста.

– Может быть. Мне повезло, что я не огненный, – Ярослав усмехнулся.

– Подожди секунду, – Олег принялся шарить по карманам рюкзака.

Ярослав кивнул и осторожным плавным движением кисти отправил золотистый сгусток в колбу, которую протянул ему Олег.

– Спасибо, у меня как раз заканчивается смола.

Ярослав вернулся на свое место, под дерево. Вид у него был слишком равнодушный, и Злата даже разозлилась. В Серебряные огни редко приезжали новые колдуны, тем более молодые. Когда в поселке узнали, что к Василисе Александровне приедет внук, Ярослав, это стало настоящим событием. Злата неделю гадала, как он выглядит, какое у него

колдовство. Водное, конечно, это у них семейное, но какое именно, как ощущается? Саша эту неделю строил теории: сможет ли новый колдун стать для него конкурентом за право проводить обряд или за сердце Златы – вещи, абсолютно равнозначные по своей важности. Олег делал вид, что ему все равно, но в обсуждениях активно участвовал.

Вот и сейчас новость о приезде новой водной колдуньи затмила все остальные. Заняла всех, кроме Ярослава.

– Я слышал, что она никогда еще не приезжала в Огни, – сказал Олег.

– А как тогда она получала знаки? – удивился Саша.

Олег пожал плечами.

– Может, Белозерова сама к ней ездила? – предположила Злата. – Там и ставила их.

– Нет, Белозеровой сил не хватит, чтобы далеко от Огней знаки ставить, – Олег покачал головой и поправил указательным пальцем очки. – Может, у ее дочери вообще знаков нет. Такое же тоже бывает.

– Тогда ей не дадут проводить обряд, – вмешался Ярослав.

– Или сначала поставят первый знак, а потом, после обряда, второй.

– Тоже может быть, – не стал спорить тот, скрестив руки на груди. Злата успела заметить знаки самого Ярослава – один-единственный круг, руна Леля.

– Спорим, Белозерова теперь будет водить ее на все занятия и показывать, как зверюшку в зоопарке? «Вот, посмотри-

те, чему научилась моя доченька в знаменитой лесной школе», – передразнил Саша манерный выговор. – Бедняга, мне уже жалко эту девчонку.

– Если она такая же, как ее мать, жалеть там нечего, – фыркнула Злата.

Олег неодобрительно покачал головой, но уголок губ все же пополз вверх. Ему заносчивая старейшина водной общины нравилась ненамного больше.

– Кстати, а что решили по обрядам? Кто будет проводить их в этом году? С водным ясно, что ничего пока не ясно. А остальные?

Саша пытливо смотрел на сидящую напротив Злату. Она поежилась, отвела взгляд. Отец, возглавлявший огненную общину, конечно, рассказывал ей, что обсуждают на советах. Она знала, что еще ничего не решено окончательно. И знала, что Саши среди тех, кто может руководить обрядом, нет.

– Ничего не решили, – ответила она быстро. – Ни в одной из общин. Не знаю почему. Может, Белозерова отняла все время рассказами о том, какая у нее замечательная дочка...

Саша ударил по струнам. Раздался глухой хлопок – струна лопнула.

* * *

«Тихо!» – крик так и срывался с губ. Он решил бы все проблемы. Он вывел бы из забвения Сухоперышкина, кото-

рый последние пятнадцать минут неподвижно смотрел в одну точку. Он отрезвил бы Северного, который мило болтал с Сандрой битый час явно не об обрядах. Он заткнул бы наконец Белозерову. Она с пеной у рта доказывала, что никто, кроме ее дочери, не сможет провести Купалу в этом году. Никто. Ни Наташа Зайцева, младшая из всех претендентов, но очень внимательная и точная в своих действиях. Ни Антон Белошвеев с его умением поднимать в воздух небольшие озера. Ни уж тем более Ярослав Королек, с детства укрощавший беспокойные морские волны. На его счету уже было два удачно проведенных обряда – за всю историю водного колдовства в этих местах не встречали настолько покорную воду. Но куда ему до Мариночки?

Никите Михайловичу нестерпимо хотелось крикнуть. Но он сдержался. Осторожно ударил по столу несколько раз концом карандаша, потом зачастил дробью. Только тогда гул в зале совета затих, но не прекратился совсем.

– О чем мы спорим? У Марины нет знаков, мы не можем...

– Мы поставим, – тут же перебила Белозерова. Если бы у нее был более высокий голос или она, например, четче выговаривала все звуки, то сошла бы за назойливую торговку. Но она говорила твердо и уверенно, будто одно ее слово решало все. Это раздражало так же, как ее элегантные платья, строгие костюмы, крупные серьги и всегда горделиво приподнятый подбородок.

– Вы прекрасно понимаете, что после метки ее колдовство может выйти из-под контроля. Кто знает, сколько Марине понадобится времени, чтобы прийти в себя?

– Не больше трех дней. Она успеет оправиться, подготовится и проведет обряд. Вы, – Белозерова скользнула взглядом по присутствующим, – можете не сомневаться в моей дочери.

Никита Михайлович колебался. Он видел девочку мельком: бледная, худая, с пышной копной каштановых волос. Она отличалась от местных девушек, ее красота казалась ломаной и контрастной. Но в ее колдовстве ничего примечательного не было. Прохладный дождик, накрапывающий в жаркий летний день, – вот и все, что таилось в ней.

– Я не против, – сказал Северный, усаживаясь на край круглого стола. – В конце концов, у нас всегда есть запасной вариант в лице Королька.

На мгновение лицо Белозеровой исказила презрительная ухмылка, но она быстро взяла себя в руки. Никита Михайлович успел заметить, как она посмотрела на Северного – искоса, хмурясь, но в то же время с каким-то разочарованием. Может, ждала поддержки от бывшего любовника. Хотя было бы странно, учитывая их громкое некрасивое расставание, которое Белозерова тщательно скрывала и о котором каждый в Серебряных огнях узнал на следующий же день.

– Замечательный выход! – улыбнулась Лида, старейшина земляных колдунов. – Если Ярослав будет подстраховывать

Марину, мы ничем не рискуем. Он парень отзывчивый, я думаю, согласится.

В ответ закивали, но Белозерова никак не могла успокоиться.

– Марине не нужна подстраховка, – раздражение уже невозможно было скрывать. – Она талантливая девушка и справится со всем сама. Ваши заботы только оскорбят ее.

– Или тебя, – усмехнулся Северный тихо, но так, чтобы услышали все.

Веселые шепотки пробежали по зале. Белозерова выглядела каменной статуей, абсолютно лишенной эмоций. Гнев бурлил лишь в ее колдовстве, в трещинах толстых льдин, покрытых снежной крошкой. Лед раскололся пополам, когда Северный добавил:

– Мы уже поняли, что твоя дочь особенная. Не нужно привлекать столько внимания.

– Марина...

– Проголосуем, – перебил Никита Михайлович, – кто за то, чтобы обряд проводила Марина Белозерова? Единогласно. Прекрасно. Давайте пойдем дальше? – и он посмотрел на Лиду. Жукова с готовностью кивнула.

– Мы решили в прошлый раз, что от земляных будет Олег Опенкин. Но вас... – она прервалась, вспоминая имя. Все в поселке называли Сухоперышкина по фамилии, – Святослав Никитич, не было. Что вы, как наставник Олега, думаете?

– Полностью поддерживаю.

Слова прозвучали торопливо. После Сухоперышкин принялся что-то записывать в старый потрепанный блокнот.

– Замечательно... А что у вас, Никита?

Никита Михайлович вздохнул, поднял глаза на огненных колдунов, присутствующих на совете, – Егора и Катю. Втроем они специально встретились накануне, чтобы обсудить своего претендента, до этого еще неделю мусолили эту тему. К единому мнению прийти так и не смогли. Катя и Егор в один голос называли Злату, на худой конец предлагали Варю Чешуеву. Никита Михайлович противился, но не мог понять почему. Злата обрекала обряд на успех. Варя способная и ответственная; в том, что к Купале она сможет подготовиться и прийти в идеальную форму, никто не сомневался.

Никита Михайлович думал о Саше Гвоздикине. Думал, что парню не хватает чуткости к природе, которая необходима для обряда. Думал, что неизученная Сашина болезнь, из-за которой он не чувствует чужое колдовство, может ему помешать. Думал, что доверие и подаренный шанс могут помочь ему, но в то же время ставят обряд под угрозу.

– Завтра утром, – наконец сказал он, предвкушая очередную бессонную ночь. – Завтра утром мы примем окончательное решение.

– В пользу твоей дочери, конечно, – фыркнула Белозерова.

Крик рвался с губ. Больше сдерживаться Никита Михайлович не мог.

Небо начало наливаться сливовым, и Злата засобиравалась домой.

– Напишу вам, если узнаю что-то об обрядах, – пообещала она.

Саша вскочил, сунул свою гитару в руки оказавшегося рядом Ярослава и сделал пару шагов к Злате. Дежурная фраза «давай провожу» вырвалась у него раньше, чем он успел о ней подумать. Саша часто порывался проводить ее до дома. Ему, впитавшему сюжеты мелодрам, которые мама смотрела по вечерам, этот бытовой ритуал казался испытанием. Если он пройдет его, если получит разрешение дойти вместе со Златой до кирпичного дома с синей крышей, то что-то обязательно изменится.

Злата покачала головой. Золотистые волосы волнами упали вперед, на грудь, и Саша едва сдержал вздох.

– До завтра, – она ушла, оставив после себя шелест кустов шиповника и легкий флер огненного колдовства в воздухе.

Ее мягкое солнце тут же затопила вязкая раскаленная лава.

Саша выдернул из рук Ярослава гитару. Усевшись на ствол, принялся перебирать струны. С каждой минутой движения его становились все резче, лицо хмурилось все сильнее.

– Слушай... – начал было Олег, но Саша тут же его перебил:

– Ненавижу! Как это понимать? Это была моя сто тридцать четвертая попытка!

– Сто тридцать пятая, – поправил Олег.

– Да хоть сто пятидесятая!

– Может, пора привыкнуть, что твоя пламенная любовь не взаимна?

Голос Ярослава был спокойным, без тени иронии или издевки. Но Сашу это только сильнее взбесило. Он и сам знал, что между ним и Златой возможна только дружба. Крепкая, надежная дружба: и в огонь, и в воду. Но когда эта мысль приходила в голову, на Сашу накатывала безысходность. Он чувствовал себя одиноким и беспомощным. Перед глазами мелькали отблески золота в Златиных волосах. Они ослепляли, и Саша растворялся в серой матовой пустоте.

* * *

Злата не хотела проводить обряд.

Пусть главным назначат кого угодно, пусть даже раздражающую, везде сующую свой нос Чешуеву – только не ее, не Злату. Пусть она постоит где-нибудь в стороне, в самом дальнем ряду. Ей все равно хватит сил дотянуться до солнца. Зато река не сможет дотянуться до нее.

В прошлом году Злата провела обряд идеально. Ее движе-

ния были точными и свободными, она безошибочно угадывала время, когда следовало переходить к следующему этапу. Даже в конце, когда обряды сливались в один, когда пришли земляные, сделала все правильно. Не было заминок. Не было осечек.

Но внутри была такая крупная дрожь, что, казалось, органы вот-вот рухнут вниз, сделай она одно резкое движение. Мысли ее путались и, сколько она ни пыталась сосредоточиться на обряде, возвращались к реке.

Река была близко. Слишком близко. Настолько близко, что Злата задыхалась и тонула в силе и влажном запахе.

Сразу после обряда, пока разгорался большой костер, ее успокаивал отец. Вдали ото всех, спрятавшись за тонкими ветками речных кустарников, они стояли молча и неподвижно. Злата больше не могла сдерживать слезы. Папа крепко прижимал ее к себе.

Когда они вернулись, развеселившиеся колдуны подумали, что красный Златин нос и мокро блестящие щеки – следствие перенапряжения. Такое событие для юной девушки: провести обряд, получить второй круг! Тут же начали голосить, чтобы метку поставили немедленно. Северный начал пить настойки рюмка за рюмкой, Саша с Олегом потащили Злату к костру. Постепенно напряжение спало.

Только в конце, когда расцветало утреннее солнце и колдуны разбредались по домам, Лида с теплой улыбкой сказала: «Какая ты умничка, мое золотко. Видит Ярило, тебе и

в следующем году обряд проводить». Полупьяные колдуны заголосили в знак согласия.

Дома отец смог убедить, что об этом предложении забудут через месяц. Злата поверила.

* * *

Олег пришел на Поляну первым. После вечернего дождя земля была мягкой и скользкой. Она пахла. В причудливом аромате смешались плотная черноземная терпкость и свежесть омытой чистой водой травы. Олег даже прикрыл глаза, чтобы вдохнуть поглубже и почувствовать, как собственная сила распускается, расцветает в каждой клеточке тела.

О том, что он будет проводить обряд своей общины, Олегу сообщили еще полторы недели назад. Вчера Лида позвонила и сказала: теперь все точно, даже Сухоперышкин дал согласие. Она, конечно, не знала, что наставник начал готовить Олега намного раньше, чем собрали первый совет по Купале. Олег выпросил у учителя редкий рецепт «зелья удачи». Он хотел провести обряд идеально. Необходимо исключить даже минимальные риски.

Олег собирал ингредиенты. У сложного зелья был сложный состав. Олег каждый день зачеркивал в списке пункт за пунктом, и это его успокаивало. Он все рассчитал, до обряда должен успеть.

Когда на Поляне появилась Злата, Олег сидел на корточ-

ках чуть поодаль от кострища.

– Привет. – Злата осторожно подошла ближе и заглянула за его плечо. Олег ссыпал с ладони семена, похожие на мелкую желтую гречку. – Я опоздала, ты начал без меня?

– Нет, готовился к твоему приходу.

С ладони соскользнуло последнее зернышко, и Олег отряхнул руки. Поднялся, отошел к двум елкам, под которыми были свалены пеньки, и принес один из них Злате.

– Спасибо, – она кивнула и села, поставив локти на колени. – Мне нужно просто на них посветить, правильно?

Олег кивнул. Злата медлила.

– У меня с травами не так хорошо, как у тебя, конечно, – сказала она, – но даже я знаю, что искусственно выращенные растения не обладают колдовскими свойствами.

– Вообще-то обладают. – Олег вдавил очки в переносицу. – Просто не такими яркими.

– Зачем тебе еле-еле колдовской клевер? Он же в зелье просто потеряется.

– Злат, я все делаю по рецепту. Не хочешь помогать?

– Ты чего, я ж не из-за этого!.. Но ты уверен в рецепте? Это не может быть уловкой Сухоперышкина?

Олег вздохнул – Злата попала в цель, – потом присел на корточки и немигающим взглядом уставился в землю. Снова поправил очки. Злата ждала ответа, но быстро поняла, что его, похоже, не знал сам Олег. Тогда она пригнулась, вытянула руку перед собой и раскрыла ладонь.

– Правильно? – уточнила она, когда мокрая земля заблестела под ее мягким, почти прозрачным светом.

– Да. Продолжай.

Олег заметил, что между бровями Златы пролегла короткая вертикальная морщинка. Светло-рыжие волосы упали вперед, и теперь их закругленные кончики золотил льющий-ся на землю свет. Когда Злата бегала, волосы развевались за спиной. Когда вертела головой, они скользили по плечам и груди, но, стоило ей замереть, ложились волнами, обрамляя лицо. Все ее черты были мягкие, все еще почти детские и округлые. Бледные мелкие веснушки меркли на фоне ярко-синих глаз. Иногда, если Злата задумывалась о чем-то, глаза становились почти черными. Это случалось редко. И пугало. Но именно в такие мгновения Олег понимал Сашу с его странной влюбленностью.

Свет дрогнул. Злата зевнула, не шевеля ладонью.

– Прости, пришлось рано встать, – сказал Олег.

– Ничего, я понимаю. Потом набегут остальные. Но почему, кстати, ты не захотел выращивать клевер дома? У вас большой огород, там бы нашлось местечко.

– Не хочу, чтобы мама знала.

– Почему?

– Скажет, нечего обряд проводить «с допингом». Она... не понимает. Ей кажется, что все можно перебороть, стоит проявить немножечко воли.

Злата кивнула.

– Ты продолжай в том же духе, – голос Олега стал увереннее. – Теперь я им помогу. Главное, чтобы мы с тобой не смешались.

– Да, поняла.

Олег положил руку на пригретую, но все еще влажную землю. Мокрый чернозем с глухим хлюпаньем проступил между пальцами. От силы, которой земля охотно делилась, закололо под ногтями.

Олег улыбнулся. Рядом с ладонью проклюнулись первые ростки.

* * *

«Ты просишь за Сашу, потому что хочешь помочь ему или себе?» – слова отца все еще звучали в голове, хотя разговор состоялся утром. Злата не смогла найти ответ на вопрос, и теперь непонимание портило радостное предвкушение. Она уже видела Сашино удивленное лицо, его округлившиеся глаза, чувствовала плечами его руки, когда он кинется ее обнимать. Но горечь сомнений заставляла ее то и дело замедлять шаг.

Злата почувствовала сильное водное колдовство и поняла, что приближается к повороту к Серебрянке. Помедлив, она шагнула на протоптанную дорожку одной ногой. Потом осторожно поставила вторую рядом. Река радушно звала ее к себе.

Злата сделала несколько шагов вперед. Колени отказывались сгибаться. Внутри забрезжил крошечный едкий страх.

Злата упрямо шла вперед, мысленно подгоняя и ругая себя.

И вдруг перед ней появилась девушка. Каштановые волосы в двух низких хвостах, легкое платье в цветочек. Она показалась бы лесной феей, если бы не четкое ощущение ее водного, совсем человеческого колдовства.

Злата уже хотела заговорить с ней, как вдруг услышала шаги за спиной. В следующую секунду ее схватили за запястье.

– Хорошо, что я встретил тебя. Пошли! Есть разговор.

Злата не успела опомниться, как Ярослав утянул ее за собой в сторону Зеленого круга.

Глава 2

Полы коричневого плаща-мантии то и дело цеплялись за ветки и голые, но еще не сухие кусты. Плащ, пестривший заплатками оранжевого и охристого цветов, был на удивление крепким. Правда, изрядно изодранный книзу, он лоскутами летел за обладателем, если тот запахивался или отбрасывал его назад широким жестом.

Осенью Сухоперышкин почти сливался с лесом. Худой, но широкоплечий и потому нескладный, он походил на кривое дерево. В непослушных каштановых волосах, как в лиственной кроне, путались то перья, то цветочки, то другая лесная мелочь. Густые брови наваливались на часто полуприкрытые, будто у засыпающего филина, глаза.

Сухоперышкину было около двадцати семи лет, он приехал в поселок издалека, и это все, что о нем знали местные.

Роса еще не сошла. В воздухе висела та особенная свежесть, которую нельзя почувствовать даже после дождя. Сухоперышкин остановился, поправил плащ и закрыл глаза. Замелькали картинки прошлой жизни, другой страны, другого мира, и по венам потекла почти забытая сила. Ничто, кроме постепенно пробуждающегося леса, не могло разбудить в нем колдовство. Ничто не могло причинить такую острую радость и подарить такую сладостную боль.

Сила раскрывалась, рана изнутри.

И вдруг в поток этой силы ворвалось что-то чужеродное и почти мертвое. Ощущения повели в глубь леса, и Сухоперышкин, доверившись, слепо подчинился. Сила земляного колдуна помогала огибать деревья, обходить ямы и муравейники. И все-таки он едва не споткнулся, когда нога уперлась во что-то мягкое.

Догадка поразила раньше, чем Сухоперышкин открыл глаза. В раздвоенном стволе березы сидел юноша лет семнадцати. Лохматый, грязный, в помятой одежде, с разводами на щеках и мелкими царапинами на открытых участках кожи, он откинулся на спину и смотрел вверх не моргая.

– Эй, парень, – Сухоперышкин тронул его за плечо, но реакции не последовало. – Все в порядке?

Юноша не двигался и не отвечал. Но грудная клетка мерно вздымалась, губы и щеки розовели, и сомнений в том, что он был жив, не оставалось. Он будто спал с открытыми глазами.

– Не хочется тащить тебя на себе, – вздохнул Сухоперышкин и потянул юношу за руку. Тот неожиданно повиновался. – Уже хорошо.

Сухоперышкин, не отнимая руки, сделал несколько шагов. Юноша покорно пошел за ним.

– Мы, конечно, тебя еще осмотрим. Но я уверен, что тебя усыпили, дружок.

Они торопливо пробирались через проснувшийся лес – меньше всего Сухоперышкину хотелось, чтобы кто-то их за-

метил.

– А может, это приворотное, а? Хотя нет, тогда тебя бы заткнуть было сложно, а ты молчишь... Интересная ты находка. Из наших такие фокусы никто не умеет делать.

Сухоперышкин шел, тихо переговариваясь с безмолвным юношей. Так колдун успокаивал себя, одна из немногих сохранившихся из прошлой жизни привычек.

* * *

– Незвестное колдовство перед Купалой – плохой знак, – заметил Олег, поправляя очки.

Ярослав, только окончивший рассказ о том, как встретил Сухоперышкина в лесу, задумчиво кивнул. Парня, который шел с травником, он не знал. От него не исходило ни магии, ни той многозначной, характерной для обычных людей пустоты. Энергетически он был абсолютно пустым местом. К тому же слишком покорно и безвольно шел за Сухоперышкиным, странным даже для магического общества.

– Напоит зельем, парень все забудет. И дело с концом, – буркнул Саша. – Сухоперышкин же сможет понять, кто его заколдовал?

– Нет, – возразил Олег. – Если Ярослав правильно понял, следов колдовства на том парне нет.

– Может, заклинание сложное?

– След есть в любом случае.

– Может, Яру не хватило способностей его рассмотреть?
Ярослав скрестил руки на груди и закатил глаза:
– Я уверен в том, что почувствовал.

Саша отвернулся и ничего не ответил. День не задался с утра: его разбудил истощенный плач младшей сестры, он забыл о каше на плите и оставил всех без завтрака – мама, правда, спасла ненавистной в семье Гвоздикиных яичницей. Теперь на поляну вбежал дурак Королек, раздувает из мухи слона, еще и Злату под ручку притащил.

– Кто мог это сделать? – спросила удивительно тихая Злата. Она сидела на большом пне под елкой рядом с ямой, где лежали гитары, – вдали ото всех, обняв себя за плечи, точно замерзла. – На чье заклинание похоже? Точно не огонь. Мы не можем влиять ни на тело, ни на сознание.

– И не воздух. Некоторые из них могут управлять дыханием, но таких мастеров мало, – заметил Ярослав и добавил: – Вода, возможно.

– И земля тоже, – кивнул Олег. – А вообще, может любой, если это дар или зелье. Перебирать стихии бесполезно.

– Приворотное? – тут же нашелся Саша.

Злата не смогла сдержать улыбку. Ярослав прикрыл ладонью губы. Даже он знал о «проклятье» Гвоздикина, который дважды попадал под действие приворотного зелья.

– Не думаю, – усмехнулся Олег. – Эксперт по приворотным зельям у нас, конечно, ты, но непохоже, чтобы найденный Сухоперышкина был кем-то одержим. Да и не стал бы

он так волноваться из-за приворотного: снять его – пара пу-
стяков.

– Тебе ли не знать, – хмыкнул Ярослав, искоса глядя на Сашу.

– Не завидуй, – буркнул тот и снова обратился к Олегу: – Вдруг это было сильное приворотное? Или не рассчитали порцию? Перед Купалой все травы становятся сильнее.

– И девушка отправила своего заколдованного возлюбленного в лес. Одного, – продолжал Ярослав. – Я понимаю, если бы она пошла с ним...

В воздухе разлилась раскаленная лава, и по Сашиним щекам тоже. Он покраснел до кончиков ушей, проскрежетал что-то сквозь зубы, насупился и замолчал.

– И все-таки, кому это нужно накануне Купалы? – снова подала голос Злата. Она уже не улыбалась, но остатки сме-
ха еще прятались в ее голосе. – Вряд ли это сможет сорвать обряд, но...

– Не сможет, – сказал Олег. – Сухоперышкин напоит того парня зельем забвения, и люди ничего не узнают. Мы спокойно проведем обряд. Как обычно.

– Мне больше интересно, – подал голос все еще обиженный Саша, – кто из наших умудрился сотворить такое накануне праздника. Это угроза.

– Не драматизируй, – Ярослав поморщился. – Это один человек. Один случай.

Саша поморщился. Вечно Королек делал вид, будто са-

мый умный, будто не удивляется ничему, что удивительно для них, проживших всю жизнь в Серебряных огнях. Вечно делает вид, будто за шестнадцать лет уже видел всё и пережил всё.

Он был чужаком здесь. Был и останется. Даже Злата смотрит на него с таким холодом и опаской, на которые, казалось, вообще не была способна.

– Наверное, ты прав, – проговорила она и отвела взгляд. – До Купалы мы сами сто раз забудем об этом. Нам лучше сосредоточиться на подготовке к обряду, меньше недели осталось.

– Я согласен!

Саша по-прежнему сидел, отвернувшись от друзей, но голос его стал теплее. Он положил руки на колени, голову – на руки. Изредка бросал взгляды из-под ресниц на Злату. Вид того, как переливались ее волосы под редкими в лесу солнечными лучами, его успокаивал.

– У меня сегодня занятие с Сухоперышкиным, – подытожил Олег. – Я постараюсь расспросить его, чтобы мы все точно были спокойны.

На занятие Олег пошел уже через полчаса. За ним ушел и Ярослав, сославшись на какие-то свои дела. Саша тоже поднялся на ноги, вздохнул, предвкушая день дома с младшей сестрой, которая сегодня явно была не в духе. Но вдруг за ним увязалась Злата. Она спросила, могут ли они пойти вместе – все равно в одну сторону, – и, не дожидаясь ответа, по-

шла прочь с поляны.

Они шли мимо школы, когда Злата заговорила об обряде огненных колдунов.

– Кстати, ты знаешь, что вчера они все-таки определились?

– Нет, – осторожно отозвался Саша. Он правда ничего не знал, но думал об обряде постоянно. Его не так заботили найденыш Сухоперышкина и угроза празднику, как то, кто будет проводить главную его часть.

– А они определились. И я порасспрашивала папу. Не то чтобы он сильно что-то скрывал, просто...

Злата сознательно тянула время, и Саша, поняв это, остановился. Он ждал. Вдыхал глубоко и долго не выдыхал, пытаясь успокоить kloкочущую в животе преждевременную радость. Саше казалось, что он уже слышит свою фамилию, видит, как шевелятся губы Златы, когда она ее произносит.

Вокруг разливались лавовые волны, хотя самого Сашу вдруг бросило в дрожь. Он побледнел. Смотрел на Злату так нетерпеливо и так жадно, будто от одного ее слова зависит вся его жизнь. Ждал и почти не дышал.

– Ты! Ну конечно ты! Ты будешь проводить обряд!

Злата приготовилась, протянула руки, ждала, что ее тут же сгребут в охапку и заобнимают до смерти. Но Саша не шелохнулся.

– Я?

– Ты.

Злата испугалась, опустила руки, сделала шаг назад.

– Ты, ты, ты! Что такое? Ты же так этого хотел. Теперь...

И в следующую секунду Саша прижал Злату к себе. Он обнимал ее, гладил по мягким волосам и ничего не говорил. Она улыбалась, обвив руками его талию, и слушала, как гулко и часто стучит его сердце.

* * *

Воды Серебрянки приветливо поблескивали на солнце, и Ярослав, сидя на песке, жмурясь, наслаждался переливами и силой, в которой его щедро купала река. Она понравилась ему сразу, стоило прийти однажды утром, когда солнце едва-едва поднялось над горизонтом. Текла серым металлом с белыми отблесками, спокойная, тихая, не сравнимая с бушующим опасным морем на его родине. Море было ближе Ярославу. Он вырос рядом с бесконечной водной гладью и штормами. Но эта река... Река, у которой росла его бабушка, где долгие годы жила после свадьбы с дедом, где узнала, что у нее родится ребенок – его отец. Когда приехал Ярослав, Серебрянка словно приняла его в свою семью. Здесь он чувствовал, будто вернулся в старый дом, который столетиями принадлежал его семье. Чувствовал родство с этой рекой, с поселком, с людьми, которые здесь жили. Даже если эти люди не признавали в нем своего.

Плеск воды. Ярослав рывком поднялся и быстрым шагом

поспешил к части пляжа, укрывшейся под ветками древней, разросшейся ивы. За ней начинался маленький островок с чистым песком, окруженный камышами и высокой травой. Там стоял большой камень. К нему Ярослав, опустившись на корточки, прислонился спиной. Прогретая солнцем твердая неровная поверхность приятно грела кожу.

Из воды показалась сначала макушка, потом длинные черные волосы с запутавшейся в них ряской, потом, когда волосы были откинuty в сторону, лицо. Молодое, но слишком уж бледное лицо, шея с голубыми следами чьих-то пальцев, часть груди, выглядывающая из воды. Белая кожа собирала все оттенки окружающего мира – серо-зеленая вода, салатная трава и кувшинки, желтая ряска, прибившаяся к берегу. Девушка казалась искусственной куклой, фарфоровой фигурой, зачем-то погруженной в воду на поселковом пляже. И только глаза, неестественно яркие, но живые, медовые, даже ласковые глаза отличали ее от игрушки. Глаза, встречи с которыми Ярослав старательно избегал.

– Прости, я опоздала, – ее голос звучал слишком просто и приземленно для такой внешности.

– Я сам недавно пришел.

Он смотрел на мерзко дрожащую из-за волн трясину, на влажный край берега в том месте, где песок соприкасался с водой, но взгляд сам то и дело скользил по тонким девичьим рукам, по узким плечам, по бледным губам. В Ярославе зарождалось странное, неясное для него самого чувство. Это

был не страх. Скорее, то же, что он чувствовал рядом с Серебрянкой, но извращенное, вывернутое наизнанку.

– Ты что-то узнала? – спросил Ярослав, в очередной раз прикрывая глаза, чтобы избавиться от навязчивого образа.

– Да. Я никогда, никогда так часто не ходила в гости! – Девушка кокетливо поправила черные волосы, оголяя правое плечо. Она приподнялась на локтях, стараясь подобраться ближе. Ярослав, понаблюдав за ее стараниями пару секунд, снисходительно наклонился к ней. Она заговорила тихо-тихо, разделяя слова и едва задевая его ухо губами: – Ни одна. Русалка. Не знает. Что случилось.

Ярослав резко выпрямился. Девушка расхохоталась и, оттолкнувшись от берега, окунулась в воду спиной. Вскоре она снова выплыла. На ее губах играла довольная улыбка.

– Есть другие варианты? Узнать у кого-то еще? – спросил Ярослав.

– Не-а, – девушка покачала головой, – я проплыла всю Серебрянку, спрашивала у всех, даже у Евы. Никто ничего не слышал. Может быть, тебе лучше поговорить с наземной нечистью?

– Да, может быть, – кивнул Ярослав и поднялся на ноги.

– Уже уходишь? – в голосе слышалось разочарование. – Ты и так приходишь слишком редко, посиди со мной еще немного.

– Мне пора, – отозвался Ярослав, замер, подумав, и присел на корточки у самой кромки воды. – Спасибо тебе за по-

мощь.

Он обворожительно улыбнулся, прекрасно зная, как его улыбка на нее подействует, и нежно заправил мокрые длинные волосы за ее ухо. Пальцы задели кожу. На них осталась липкая влага и холод неживого тела.

Потом он резко поднялся, заметив присутствие чужого колдовства. Последнее, что услышал, выбираясь из своего укрытия, – плеск воды, сомкнувшейся над девичьей макушкой.

Едва Ярослав выбрался из кустов, как встретился взглядом с незнакомой девушкой. Она смотрела так, будто понимала, с кем он встречался, о чем говорил и какие «запрещенные приемы» использовал. Понимала и не боялась.

– Я никому не скажу, не беспокойся, – поспешила заверить она.

– О чем не скажешь?

Девушка усмехнулась.

– О том, что ты встречался с русалкой, конечно.

У нее был мягкий звенящий голос, сияющие светло-зеленые глаза, совсем детский и в то же время пробирающий до мурашек, пронизательный взгляд.

– Спасибо, – кивнул Ярослав и подумал, что именно таким голосом должна обладать русалка, с которой он только что встречался. – А ты с кем тут разговариваешь?

– Ни с кем. Изучаю реку, часто сюда прихожу.

– Я здесь бываю каждый день и ни разу тебя не видел.

– А я тебя видела. Утром ты убежал с девочкой с золотистыми волосами, огневичкой. Я прихожу сюда последние пару дней, недавно приехала.

– Ты, наверное, дочка Белозеровой?

Девушка кивнула.

– А ты, наверное, Ярослав Королек, который так легко подчиняет любую воду. Много о тебе слышала. Я Марина, – она протянула руку, и Ярослав пожал ее.

Глава 3

Окна Белозеровых выходили на маленькую площадь с крохотным круглым фонтаном и четырьмя лавочками. Ее пронзала неширокая асфальтированная тропинка, вдоль которой были высажены кустарники и уже цветущие бархатцы. Дальше начинался ряд магазинов и жилых домов, ютились в одном здании банк и швейная мастерская – все, что казалось слишком бытовым и простым. Когда Марина стояла на балконе на четвертом этаже, площадь с фонтаном выглядела зеленой жилкой, пульсирующей в такт большому сердцу поселка. Даже на высоте она чувствовала воду, струями бьющую из ржавых труб, и ей постоянно хотелось схватиться за краешек из брызг и потянуть вверх. Особенно вечером, когда включались фонари и теплые оранжевые отблески впитывались в прозрачные капли. Потянуть вверх. Свернуть в фигуру, тут же перестроить в другую. Ощущать через воздух приятную влагу и текучесть. Потом сделать легкое, но точное движение – рассыпать капельки по воздуху, заставить замереть – и...

– Привет! – голос матери тихим эхом влетел в балконную дверь.

Марина столкнулась с ней в прихожей, прошла в кухню и начала разбирать пакет с продуктами.

– Вот насколько я люблю обряды, настолько же не люблю

советы перед ними, – сказала мама, устало опустившись на стул. – Решали сегодня, когда и где проводить подготовку, чтобы нас не заметили.

– А где вы проводили ее раньше?

– На том берегу Серебрянки. Теперь там все застраивают коттеджами, и не сунешься. Жалко, красивое место было. Маринчик, налей, пожалуйста, чаю – очень пить хочется.

Марина щелкнула кнопкой чайника, и через три секунды он начал тихо гудеть.

– Решили, что, кроме нашего берега, идти больше некуда. В других местах или к реке не пройдешь, или местность слишком открытая, а ставить заслон, чертить руны... сама представляешь.

– Это долго? – уточнила Марина. Она еще не сталкивалась с рунами и защитным кругом, потому что в Дубовнике никто не скрывался – там жили только колдуны.

– Да, и сил отнимает много. Ну ничего, не думаю, что тебе на обряде помешает след после тренировок.

Щелкнула кнопка бурлящего чайника. Из носика повалил пар. Марина провела в воздухе линию плавным движением кисти, и тонкая струйка воды с миллионом маленьких пузырьков перелетела в кружку с желто-зеленой заваркой на дне.

– Ты ж моя умница. Спасибо, – мама поднесла чашку к губам, но не сделала глоток. – Чем сегодня занималась?

– Была у реки, как обычно, – Марина пожала плечами,

села напротив. — А еще познакомилась с Ярославом Корольком. Ты о нем рассказывала.

— А, да, внук Василисы Александровны, — пальцы крепче сжали чашку. — И как он тебе?

Марина нахмурилась, не понимая, какой смысл мать закладывает в этот вопрос. Ей тут же вспомнилась русалка, с которой так спокойно, без страха и защитных заклинаний, наедине говорил Ярослав. Марина пришла на берег в тот момент, когда раздался громкий плеск, будто в воду что-то уронили. Любопытство, смешанное с желанием помочь, если потребуется, заставили ее пойти к скрытому растениями уголку. Она уже протянула руки, чтобы отодвинуть в сторону густые ивовые ветки, как услышала девичий смех. Он показался неприятным и глуховатым, но вполне обычным.

За ивами могли скрываться девочки, только-только осваивающие стихию, или влюбленная пара, ищущая уединения. Но тут Марина почувствовала, что рядом с уже знакомой ей силой мятных морей появилось еще что-то, совершенно новое, непривычное и неясное. Что-то из другого мира.

Когда Марина осторожно выглянула из-за веток, то увидела Ярослава и наполовину лежавшую в воде девушку. По ее бледной коже, по длинным волосам с зеленым отливом, по жадному хитрому взгляду и слабой, холодной и юркой силе Марина узнала русалку. Она впервые видела нечисть так близко. Много читала, часами рассматривала картинки, но никогда не встречала живую. Она слишком хорошо зна-

ла способности и природу нечисти, чтобы бояться, но слишком слабо сопротивлялась предрассудкам колдовского мира. В ней появилось отвращение к мертвому телу, которое так беззастенчиво заигрывало с Ярославом.

Марина отпустила ветки и отошла к воде. Вглядываясь в зеленоватую поверхность, подумала, сколько таких же девушек, неживых, скользких, пропитанных холодной влагой и тиной, живет в реке, и попыталась успокоить нахлынувшие эмоции, заменить отвращение на сострадание и понимание. Это у нее получилось быстро.

В тыльную сторону ладони что-то ткнулось. Марина попыталась схватить назойливую траву или веточку, но уперлась в гладкое и твердое. Кухонный шкафчик с отвалившейся с краю лентой из мягкого пластика. Марина вдавила ленту в край, но обратно она не приклеилась.

– Этот паршивец чуть не занял твое место в обряде, – заговорила мама с плохо скрываемым презрением. – Никто бы с ним так не носился, если бы не Солнцев и Василиса Александровна. Бабушкин внучок!

– Ты говорила, он сильный колдун.

– Ты не слабее его. Посмотрела бы я на него, не будь у него такой бабушки. У нее в общине особое место, ее все уважают. Ее слово сильнее моего слова. Представляешь? Я не отрицаю, что она великая и очень опытная колдунья, но кто из нас старейшина, в конце концов?

Мама сделала большой глоток, но тут же почти уронила

кружку на стол. На выпученные глаза накатились слезы.

Марина налила стакан воды.

– Не надо, – мама несколько раз махнула на стакан. – Обожглась, вот и все.

– Осторожно!.. Мы поговорили с Ярославом немного, пока шли до дома, – он показался нормальным.

– Знаешь уже, какие слухи о нем ходят?

Марина неопределенно покачала головой.

– Он нечисть, Маринчик, – мама на секунду выгнула брови дугами: «да, вот так вот». – Нечисть. А ты думаешь, откуда у него такая сила?

– Сильные колдуны не редкость, – Марина пожала плечами, быстро забрала у мамы пустую кружку и отвернулась к раковине. – Ты тоже сильная колдунья, хотя человек.

– Сильный колдун сильному колдуну рознь. Так что мой тебе совет: не связывайся с Корольком. Лучше занимайся, готовься к обряду. Я думаю, тебе нужно добавить еще вечерние уроки. Давай сегодня пойдем к Серебрянке вместе, покажу пару уловок.

– Но я уже занималась сегодня.

– И что? – в голосе звучало искреннее недоумение. – Это же твой первый обряд. Все должно быть идеально. Это важное событие в жизни каждого колдуна, да?

– Да. Но я уверена в своих силах. Я точно сделаю все правильно.

– Да что ты говоришь? А не рано нос задрала?

– Нет...

– Когда люди так говорят, в итоге у них ничего не получается.

– Мам...

– Нет, я тебя не заставляю. Просто даю совет, как более опытная колдунья.

– Это значит: «Даю совет, к которому ты обязана прислушаться»? – уточнила Марина. Мнимо предоставленный выбор злил больше, чем уверенность матери в беспомощности дочери. Марина чувствовала, как собственное колдовство закипает внутри, как хочет вырваться наружу неуправляемым потоком, совсем как пар из чайника десять минут назад. Но она сдерживалась.

– Ой, да делай ты что хочешь, – мать махнула рукой и поднялась. Уже стоя в дверях гостиной, она крикнула: – Не забудь, завтра вечером мы ставим знаки и несколько занятий у тебя пропадут.

Заголосил музыкальный канал. Марина уронила вымытую кружку в раковину. Злость кипела и кипела. Хотелось плакать, кричать и почему-то спать. В горле стоял ком, но слезы не появлялись. Слезы – последнее, что может позволить себе дочка старейшины. Крик, живой и колючий, тоже остался в горле – пришлось прокашляться. Резкие звуки, всколыхнув разложенные по полкам чувства, отдались в голове звоном. Снова накатила волна. Куда деться от злости и стыда из-за собственной слабости, Марина не знала.

В телевизоре пели о том, что выхода нет, и стало совсем невыносимо.

Марина поставила чашку на полку, быстро пробежала мимо гостиной в коридор и надела босоножки. Застыла, пытаюсь успокоиться, – иначе в голосе будет слышно слезы, – и крикнула:

– Я ушла на тренировку!

Не дожидаясь ответа, Марина выскользнула за дверь. Она слетела вниз по ступенькам и побежала к реке, чтобы не дать себе шанса развернуться.

* * *

Сухоперышкин спал, закутавшись в плащ и уронив голову на стол. Он не шелохнулся, когда в замке провернулся ключ и дверь с тихим скрипом отворилась. Не шелохнулся, когда кто-то сквозь зубы чертыхнулся и тяжелыми шагами прошел по коридору. Не шелохнулся, даже когда неизвестный уронил стопку книг, которая стояла прямо на пороге кухни. Книги посыпались, задели непонятно откуда взявшуюся на полу десятилитровую кастрюлю. Крышка с оглушительным грохотом съехала на тарелки. Раздался хруст.

– Почему вы ставите тарелки на пол? – спросил в полный голос Олег. Он тут же опустился на корточки посмотреть, уцелело ли хоть что-то из посуды: все тарелки раскололись на большие неровные части.

– У меня был занят стол, – пробурчал куда-то в свои руки Сухоперышкин, так и не поменяв положения. – Да и вообще не до тарелок.

Олег вернулся из ванной комнаты с веником и совком, отодвинул кастрюлю и принялся убирать осколки.

– Извини, что не открыл.

Олег мысленно усмехнулся. В самом начале их занятий он торчал под дверью учителя часами: на звонки – и телефонные, и дверные – Сухоперышкин не отвечал. Чаще он просто крепко спал. На оправдания Олега в свой адрес – «да ничего страшного, я понимаю, у вас много дел» – Сухоперышкин начинал злиться и говорил о том, как бесценно время. А однажды просто отдал запасной ключ от своей квартиры и разрешил приходить днем в любое время.

– Да ничего, – по привычке ответил Олег. – Работали всю ночь?

Сухоперышкин неопределенно хмыкнул. Только теперь Олег заметил, что весь кухонный стол завален книгами, свитками и талмудами, к обложкам которых прикреплены замочки и цепи. Откуда у поселкового колдуна настолько старые книги, он не знал, но был уверен: добыли их не совсем честным путем.

– Ого, – Олег быстро ссыпал в мусорную корзину осколки и начал жадно разглядывать книги. – Все про травы? Вот эту я у вас вообще никогда не видел.

– Да, про травы. Не видел, потому что не время, – Су-

хоперышкин пожал плечами и зевнул. Потом принялся убирать книги. Делал он это небрежно, будто выбрасывал брошюры из соседнего магазина. Но прикасаться кому-то еще, даже Олегу, запрещал. Сухоперышкин лично перенес книги стопками по десять штук в дальнюю комнату. Надрывался, но упрямо отказывался от помощи. Олегу оставалось лишь слушать, как захлопывается дверь, и гадать, чудится ли ему шуршание ключа, который проворачивается в скважине. Но ведь замка на двери не было.

Сухоперышкин унес последние книги и долго не появлялся на кухне. Олег успел вымыть пол и теперь сидел за столом на привычном месте – в углу, спиной к коридору, который заканчивается поворотом в прихожую.

– Что обсуждаем сегодня? – спросил Сухоперышкин.

Он разлил золотистый чай из круглого заварочного чайника в два больших бокала. По кухне растекся запах зверобоя и мяты. Олег расслабился. Плечи опустились, он перестал поправлять очки и прислонился, чуть сгорбившись, к стене.

– По плану у нас были женские травы. Еще я про рецепт хотел спросить, который вы дали в прошлый раз.

– Рецепт? – Сухоперышкин почесал затылок. Ни о каком рецепте он не помнил.

– Да, к обряду, – осторожно уточнил Олег, оттолкнувшись от стены. – С пустым клевером, помните?

– А! – воскликнул Сухоперышкин вместе со свистком за-

кипевшего чайника. — Да, точно. На удачу. Я помню. Ох, прости меня, Опенкин, бессонная ночь.

— Что-то случилось?

Сухоперышкин слегка повернул голову и, разливая кипяток, искоса посмотрел на Олега. Тот перехватил его взгляд.

— Нет, — соврал Сухоперышкин, поставил кружки на стол, достал с полки блюдо с клубничным вареньем и сушки. — Начал собирать ингредиенты?

— Да, — кивнул Олег, засуетился и вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. — У меня есть клевер. Но я внимательнее почитал состав и не совсем понимаю. Не понимаю, как оно работает. Зачем здесь пустой клевер? Он же вообще нигде не используется.

— Во-первых, используется: против головных болей или, например, для очищения крови, — терпеливо и серьезно перечислял Сухоперышкин, задумчиво глядя мимо кружки. — Во-вторых, это мы называем выращенные с помощью колдовства растения пустыми. В них есть крупички силы. Другие компоненты зелья усилят их, и вот тебе, пожалуйста, рабочий клевер.

— Но... — пробормотал Олег и перечитал рецепт. Там была сушеная лунная мята, которая усиливала почти все растения. Может, о ней и говорил Сухоперышкин. — Ладно, хорошо. Но роса? Ее ничем нельзя заменить? Для основы подходит и отстоявшаяся вода, и полынная вода...

Сухоперышкин резко выдернул из рук Олега рецепт, что-

то черкнул на нем выуженным из кармана плаща карандашом и вернул. На листке появилась объединяющая все ингредиенты скобка и приписка большими буквами с маленькими петельками: «замен нет».

– Понял, – вздохнул Олег и сделал несколько глотков уже остывшего чая.

– Вдыхаешь так, будто я отправляю тебя за кровью Змея, – по-доброму усмехнулся Сухоперышкин. – Вот проблема: росу собрать!

– Для земляного колдуна?

– В твоей компании есть самый сильный водный! Попроси Королька, мне кажется, он не откажет.

Олег спрятался за большой, уже пустой кружкой, делая вид, что пьет. Просить о помощи он не хотел. Просить о помощи – признаться в своей слабости, в волнении перед обрядом, в том, что он не может справиться сам. Он никому не позволял сомневаться в своих силах.

Поставив кружку, Олег заметил улыбку на лице Сухоперышкина.

– Клевер же ты как-то вырастил, – заметил тот. – Тоже пришлось просить.

– Мне помогла Злата.

– Уверен, Королек ничуть не хуже Солнцевой!

Олег не ответил. Сухоперышкин безразлично допивал чай и думал о чем-то своем. На долгие мучительные минуты повисло молчание.

– Хочу заметить, что Королек – мастер именно по таким тонким штучкам, – сказал вдруг Сухоперышкин, будто разговор не прерывался. – Хотя по нему и не скажешь. Но я ж не настаиваю, проси кого хочешь. Ну или не проси, тогда останешься без зелья. Еще раз, кстати, напоминаю тебе, Опенкин, что оно тебе не так уж и нужно. Я уверен, ты хорошо справишься с обрядом сам.

«А я не так в этом уверен», – подумал Олег.

– Давай девичьи травы отложим до... ну, скажем, недели после Купалы? Не против?

– Нет.

– Ну и прекрасненько, – Сухоперышкин встал, с грохотом поставил пустые кружки в раковину. – А теперь, если ты позволишь, я бы хотел продолжить свою работу. У тебя много дел: тебе нужно поймать Королька.

– Да, спасибо. – Олег кивнул, засобиравшись и уже в коридоре заметил, будто ни в чем не бывало: – Кстати, а что за парень шел с вами сегодня из леса?

Сухоперышкин засмеялся. Он оставил уборку, вышел в прихожую – Олег надевал кроссовки – и скрестил руки на груди.

– Ты серьезно решил спросить так вот прямо? Сидел весь вечер, терпел и решил спросить прямо?

– Ну... да. Ярослав вас видел. В том парне вообще не было ничего – ни колдовского, ни человеческого. А Ярослав же мастер в таких тонких вещах, правда?

– Ой, Опенкин, вы со своими друзьями сведете меня в могилу, – устало вздохнул Сухоперышкин, прислонившись к косяку одним плечом.

– Говорите, как глубокий старик.

– Я и есть глубокий старик. Того парня погрузили в полусон. Обыкновенный полусон, полное подчинение и безмолвие, только непонятно, кто или что этому виной.

– Это же простейшее заклинание, – Олег удивился и даже замер на корточках. – Оно оставляет очень четкие следы. Ярослав точно почувствовал бы его.

– Вот именно. Поэтому случай странный, и я пытаюсь в нем разобраться. И буду очень признателен, если ни ты, ни твои друзья не будете лезть в это дело.

Олег пожал плечами.

– Мы вроде и не собирались. Нет, за помощью вы обращайтесь, конечно.

– Обязательно.

Олег вышел из подъезда хмурый и озадаченный. Он, казалось, получил ответы на все свои вопросы, но что-то его беспокоило. Обряду ничто не угрожало, странный состав зелья объяснялся простыми взаимодействиями ингредиентов. Он снова и снова прокручивал в голове разговор с учителем, вспоминая мельчайшие детали.

Только когда Олег миновал поворот к Серебрянке, его озарила внезапная догадка. Книги, которые читал Сухоперышкин в кухне, были не про травы. Все они, даже талмуд с

цепью на обложке, были посвящены нечисти.

* * *

«Ты же не расстроился?» – появилось на белом экране, и Ярослав улыбнулся.

«Конечно, нет», – быстро напечатал он ответ. Потом подумал и тут же отправил второе сообщение: «Мне и двух обрядов хватило. Я вообще не понимаю, почему они так важны».

Почти сразу ему прилетели смеющиеся до слез смайлики. Улыбка Ярослава стала еще шире. Он смотрел на желтые рожицы, а в памяти сама собой появлялась мамина улыбка – настоящая, живая, искренняя, такая сейчас далекая.

«А как же почет, престиж, популярность у противоположного пола?»

Ярослав даже опешил от такого вопроса. Подумав немного, написал: «Ну не знаю...» Он и правда не знал. Прошлогодняя Купала понравилась. Понравилось, что собрались все колдуны, что они веселились, пели, танцевали вокруг костра. Понравилось, что воздух был пропитан магией, причудливо перемешанными стихиями. От этого кололо в венах и собственная сила радостно клокотала внутри. Но не из-за обряда.

За водоворотом смеха и магии Ярослав не чувствовал земли. Это был закрытый, подвешенный в воздухе мир, ото-

рванный от природы. Это был праздник, такой же, как все человеческие.

«У моря более суровые законы. Там, откуда родом я, Купала тоже была веселым праздником. И многие другие тоже. А ты просто к веселью не привык».

«Может быть».

На экране отобразились светло-серые буквы: «Алиса печатает...» Справа появился еще один диалог: «Олег Опенкин».

* * *

Злата думала, что если обряд будет проводить Саша, то все ее проблемы тут же решатся. Но ошиблась. Она выбралась из его объятий, зашла домой и рассказала отцу о Сашиной радости, потом долго лежала на кровати и разглядывала колдовские знаки на правой руке – что бы она ни делала, избавиться от беспокойства не удавалось. Оно сверлило меж ребер. Оно рисовало прошлогодние картинки, когда Злата едва не испортила обряд из-за собственного страха.

Злата, полная решимости, быстрым шагом направлялась к Серебрянке. Нужно смотреть страху в лицо – так всегда говорил папа. Настало время это сделать. При мысли о воде все еще потряхивало, но она заставляла себя подавить внутреннюю дрожь.

Злата шла так быстро, что не заметила, как из-за угла вы-

нырнул человек. Они столкнулись.

– Извини, – пробормотала Злата, делая два шага назад. – О, это ты. Привет.

Перед Златой стояла Варя Чешуева, и это был последний человек, которого хотелось видеть перед борьбой со своими страхами. Они не понравились друг другу с первой секунды знакомства. Красавица Варя с подружками-огневичками держалась в стороне, изредка проходила мимо с высоко поднятой головой и тихо усмехалась, когда на уроках Злата и ее компания веселились вместо того, чтобы спокойно учиться и поскорее разойтись по домам.

Злата не любила Варю из-за ее холодности. Это было то, чего она не понимала в людях, не принимала и не могла себе объяснить. А еще Варя была чуточку заносчивой и всегда хотела казаться лучше, чем была на самом деле.

– Привет. Я тебя тоже не заметила.

Красные губы Вари растянулись в вежливой улыбке. Злата посмотрела на нее с подозрением и попыталась обойти.

– Я спросить хотела, – сказала Варя, – ты же знаешь, кто будет проводить обряд в этом году?

– Да, – аккуратно ответила Злата. – Об этом же объявили на общем совете. Еще вчера, по-моему.

– Мои родители не ходили.

– Понятно, – растерянно ответила Злата.

Старшие Чешуевы вообще казались ей странными. Они не закончили обучение, не получили два последних колдов-

ских знака и то ли из зависти, то ли из вредности вообще перестали доверять колдовству и общинам. Они не ходили на советы, присутствовали, но не участвовали в обрядах, и предпочитали платить за простейшие заклинания, но не творить их самим.

– Его будет проводить Саша Гвоздикин.

Лицо Вари на мгновение просветлело. Улыбка даже стала чуть более искренней, обнажив белые зубы.

– Понятно. Рада за него.

Злата кивнула. Она знала о долгой невзаимной влюбленности Вари, и теперь ей даже стало неловко.

– Я ему передам, – зачем-то сказала Злата.

– Ты торопишься? Не буду тебя больше задерживать.

– Да, я... Ладно, извини еще раз.

Девушки разошлись, а мысли Златы полностью захватила странная встреча. Хотя они с Варей никогда не враждовали, даже уважали друг друга – Злата Варю за идеальную школьную успеваемость, Варя Злату за колдовские умения, – почти никогда не пересекались и не разговаривали. Этот диалог стал первым за несколько месяцев. Злата не понимала, почему Варя задала вопрос про обряд именно ей, почему не могла написать или позвонить, если ей было настолько интересно.

Злата свернула к реке. Протоптанная тенистая тропинка вела прямо, а потом широкой дугой уводила вправо. У дуги понимаешь, что река ближе, чем асфальтированная аллея и

люди.

Злата почувствовала знакомое волнение. В такие моменты все внутри груди и живота начинало дрожать. Так зарождался страх.

Когда показался поворот, сердце перестало дрожать. Оно забилося с такой скоростью, что Злате стало больно и оглушительно громко. И все же сквозь ритмичную гулкость в ушах она слышала журчание реки, мирное и мерное. Голос Серебрянки первый раз в жизни не испугал, а успокоил.

Злата продолжила идти, хотя шаги ее стали короче. Она вслушивалась в окружающие звуки, стараясь не обращать внимания на боль в груди и слабость в ногах.

«Я не боюсь. Я не боюсь. Я не боюсь».

На берег Злата вышла со спокойной осторожностью. Страх не исчез, а замер, застыл, затаился. Он милостиво поддавался контролю, из-под которого мог вырваться в любой момент. Злата старалась об этом не думать.

Река звала к себе блестящей водной гладью и мягким журчанием. Дышать рядом с ней становилось легче. Когда Злата подошла ближе к кромке берега, тень деревьев соскользнула с плеч, отпуская ее во власть солнца. Злата любила объять горячих лучей. Она куталась в них, точно в плед, подставляла им щеки. Солнце казалось родным – самым родным существом, роднее отца, которого Злата бесконечно сильно любила, роднее матери, которую никогда не видела, но чей неясный след чувствовала в себе.

«Помоги мне, Ярило».

Злата увидела отражение солнца в воде. Оно сияло так ярко, что пришлось зажмуриться. Единение огня и воды показалось странным: под полыхающей звездой вода не пенилась и не бурлила – Злата вспомнила недавний сон. Она стояла на берегу совсем как бабушка. Если снять босоножки и сделать один шаг, мокрый песок коснется ступней.

Злата сняла босоножки.

Сердце снова забилося быстрее, словно напоминая о таившемся внутри страхе. Злата тут же отогнала от себя волнение, радуясь, что она стоит у реки. Она стоит так близко. Она одна. Она спокойна. Она поборола себя и свой страх.

Сейчас она войдет в воду – и...

Сила. На одну-единственную секунду Злата почувствовала силу. Это была смесь воды и огня. Нереальная. Ненстоящая. Переполюняющая изнутри, до краев, заставляющая чувствовать легкость. Злате казалось, она взлетит. Казалось, она сможет нарушить любой закон, перейти любую границу. Ей дозволено все, потому что внутри две противоположности – и обе в ее власти.

Злате казалось, что все это правильно. Правильно, что сила разрывает. Правильно, что вместо боли сила дарит радость и легкость. Правильно, что сила принадлежит именно ей.

Сумрак. Солнце скрылось за облаком. Наваждение исчезло. Все вернулось: страх, боль в груди, дрожащие колени.

Злата выбежала из воды и судорожно огляделась. Ее окружала тьма. Неприветливо тусклый мир, холодный и бесцветный, подобрался к ней со всех сторон. Черные деревья. Серый песок. Потемневшие воды Серебрянки.

И Злата побежала.

Побежала, не разбирая дороги, спотыкаясь, почти на ощупь. Качая головой, пыталась избавиться от воспоминаний.

Синеватая кожа. Злые глаза. Чешуя на шее.

Злата задыхается.

Слишком много воды. Во рту. В носу. Повсюду.

Страшно.

Глава 4

Злата хотела уснуть. Оказаться в отцовских объятиях и уснуть. Может быть, до вечера. Может быть, до утра. Может быть, навсегда. Ей было все равно, только бы больше не видеть реку, не приближаться к ней, не бояться.

Злата хотела к отцу, хотела почувствовать его тепло, такое ласковое и похожее на ее собственное. Родное пламя.

Но вместо отцовских объятий она оказалась в объятиях Ярослава.

Злата дрожала и беззвучно плакала, а он, тоже напуганный и растерянный, прижимал ее к себе.

– Все хорошо, все хорошо, – повторял Ярослав тихо.

Злата не помнила, как Ярослав оказался рядом, но сейчас, вдыхая море, она приходила в себя. Из памяти исчезали черные воды Серебрянки, уступая место водной глади, соленой, искрящейся на солнце, не имеющей конца.

– Успокоилась?

– Да.

Злата не подняла голову, не высвободилась из объятий. Ей хотелось чувствовать его плечо под щекой чуть дольше. Чуть дольше прятаться в безопасных морских волнах, разливающихся в воздухе.

Магия Ярослава заполняла собой все вокруг – он сам это чувствовал. Он судорожно искал Златино солнце, ее теплое

нежное пламя, и не мог найти. Он смотрел на рыжую макушку, и даже волосы казались ему потухшими. Касался мягкой, всегда горячей кожи, но ощущал только холод предплечий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.